

ГЛАВА 1

КОГДА СПАСАЕШЬ ОТ ВЕРНОЙ СМЕРТИ ПАРНЯ, КОТОРОГО НЕНАВИДИШЬ

ФАРРЕН

Спасение жизни — не моя стихия, а уж ответственность за всадников и подавно. Мне куда милее возиться с драконами, чем наблюдать за этими безумными гонками. Но, как говорится, судьба — злодейка, и вот я здесь, готовлюсь к очередному бесконечному дню на трассах Мёрфи.

Лето обрушилось на нас неистойвой жарой, но даже изнуряющий зной не стал препятствием для зрителей. Пока я суетливо бегу от гримерки к оценочной станции, чтобы помочь отцу, толпы людей движутся в противоположном направлении — к своим местам на трибунах. Пятнадцатиметровые каменные колонны-трибуны, окружающие безмятежное озеро, стремительно заполняются зрителями.

Как правило, жители Форсена не стремятся следовать моде, но в день гонок город оживает. Тысячи людей — почти половина населения города — устремляются к окраине, чтобы принять участие в этом значимом событии. Каждый украшает себя сверкающими металлическими аксессуарами: это и заколки в волосах, и пряжки на ремнях, отбрасывающие блики, и массивные, давящие на грудь ожерелья. Яркие ткани, развевающиеся на ветру, и блестящие детали делают толпу похожей на живое отражение чешуи их любимых спринтеров.

Внезапно кто-то толкает меня так сильно, что мои очки соскакивают на самый кончик носа.

— Эй! — возмущаюсь я, но виновника уже и след простыл.

Какое облегчение, что это не один из моих одноклассников, пришедших на финальную гонку сезона. Ведь они

появляются здесь не ради самих соревнований, а чтобы поглазеть на избранных всадников, которые претендуют на чемпионское звание. Пока поблизости нет драконов, ничто не выдает во мне чудаковатую деревенскую девчонку из заповедника. Я могу оставаться в тени, делать вид, что такая же, как все. Притворяться той, кем не являюсь.

Внезапно толпа расступается, и я, поддавшись всеобщему возбуждению и не задаваясь вопросами, вновь бросаюсь бежать. Только спустя мгновение я понимаю, что же вызвало такое оживление.

В нашу сторону направляются Джеймс Мёрфи и Колм Диттерс. На первый взгляд кажется, что именно Колм пользуется наибольшей популярностью. Этот высокий блондин с яркими голубыми глазами производит впечатление лидера. Но стоит присмотреться — и становится ясно, что все вращается вокруг Мёрфи. Все взгляды устремлены на него, а комплименты сыплются, словно лепестки роз.

Джеймс широкоплечий и коренастый. Его тело будто создано для драконьих гонок. Многие мои сверстницы находят его воплощением красоты, но я не замечаю в нем ничего притягательного. Этот тип уродлив внутри, что имеет для меня решающее значение, *превосходящее* все остальное.

Я определенно не вхожу в число его поклонниц.

Меня вдруг охватывает острое желание затеряться в толпе, которая послушно расступается перед парнями, словно перед королевскими особами. Однако они уже заметили меня — Колм Диттерс кивает в знак приветствия:

— Привет, Фаррен, уши не горят? Мы как раз тебя обсуждаем.

Комментарий, без сомнения, неприятный. По правде говоря, лучше бы я этого вообще не слышала, но червячок любопытства не дает мне покоя.

— Вот это сюрприз, — откликаюсь я, бросая взгляд на Джеймса. — Что, Мёрфи теперь жить без меня не может?

Колм смеется и толкает друга, будто я сказала что-то уморительное. Обычно Джеймс обращается ко мне только

для того, чтобы раскритиковать мои изделия, но это касается исключительно школы. На турнирах он меня полностью игнорирует, не достаивая даже взглядом. Однако сейчас его темно-карие глаза прикованы ко мне, и, несмотря на непроницаемое выражение лица, я чувствую его недовольство моей шуткой.

— Мы делаем ставки на то, кому из вас достанется полная стипендия «Ривира». Хочешь вписаться? — Колм ухмыляется, и я понимаю, что следующий его комментарий будет еще более колким. — Если поставишь на Джеймса, хотя бы отыграешь часть денег на оплату обучения.

«Черт, а вот это было обидно».

К тому же это полнейшая чушь. Никто не станет на меня ставить. Все прекрасно знают, что я — медный мастер, а Мёрфи — серебряный. Когда победитель очевиден, сама идея ставок теряет смысл, а вместе с ней и возможность выигрыша.

Джеймс, похоже, тоже осознает абсурдность ситуации, потому что говорит:

— Кто-то же должен верить в ее победу, чтобы это сработало. — Через мгновение он вздрагивает, будто испугавшись собственных слов. — Я имею в виду...

— Все и так понимают, что ты имеешь в виду. — Я протикиваюсь мимо них, но тут же замираю и оборачиваюсь. — Не нужны мне ваши деньги.

Смелое заявление, учитывая, что оно звучит прямо посреди великолепия, демонстрирующего богатство Мёрфи. Куда ни плюнь, повсюду признаки их баснословного состояния: драконьи стойла, тренировочные поля, а дальше, на холме, возвышается их серебряный особняк. И все же я не могла уйти, не сказав этого.

Взгляд Джеймса скользит по моему кожаному коричневому костюму для верховых полетов и останавливается на медной нагрудной пластине, безмолвно напоминающей о том, что сегодня я — сотрудник Мёрфи. Сотрудник, который не станет отказываться от вознаграждения в конце

рабочего дня. Вся моя гордость мгновенно испаряется. Какая же я дура.

Завершив свою молчаливую оценку, Джеймс отворачивается и снова делает вид, что меня не существует. Его реакция вызывает смех Колма, эхом разносящийся вокруг.

— Отличный способ разозлить одного из наблюдателей. Держись подальше от ее поста, а то она даст тебе утонуть, — поддразнивает он друга. — Слушай, тебя правда совсем не волнует, что за гонками будет следить представитель «Ривира»? Неужели стипендия за хорошие оценки для тебя важнее, чем шанс попасть в летнюю команду? Честно говоря, иногда я тебя совершенно не понимаю.

Я замедляю ход, чтобы услышать, что на это скажет Джеймс. Меня снедает любопытство.

— Это хорошая возможность, — говорит он, сохраняя свое обычное хладнокровие.

Тот же ответ, который этот невыносимый тип дал два года назад, когда я сама задала ему аналогичные вопросы. Тогда я подбежала к нему в школе и — о, как же это было неловко! — чуть не разревелась. Как только слухи о его заявке подтвердились, я поняла: мои шансы резко рухнули. Так же, как и мое сердце сейчас. Чтобы получить полную стипендию, нужно преуспевать во всех четырех областях драконьего образования: магическом ремесле, верховых полетах, дрессировке и медицине. Но наше общество ставит ремесленные способности превыше всего. И это неудивительно, ведь драконий металл и искусство его обработки проникли во все сферы жизни, включая строительство, медицину и изготовление одежды.

Раньше я просто не переносила драконьих всадников, включая Джеймса как их бесспорного лидера. Теперь же моя ненависть направлена исключительно на него. *«Кто-то же должен верить в ее победу»*. В нем есть нечто большее, чем просто самоуверенность или заносчивость, — он источает отвратительное сочетание этих качеств.

Пробираясь сквозь пыль тренировочных полей и толпу зевак, я нахожу отца, осматривающего бронзового спринтера. Металлические чешуйки дракона ослепительно переливаются в лучах летнего солнца.

— Что случилось? — спрашивает папа, переводя на меня взгляд.

Я поправляю медный нагрудник, словно, затягивая металл вокруг торса, могу скрыть все свои комплексы.

— Ничего.

— Хочешь помочь мне с оценкой прибывающих? Мне бы пригодился мой лучший ассистент, — ухмыляется папа.

— Я уже говорила тебе: эта шутка устарела.

Его ухмылка становится шире.

— Лучший и единственный не всегда одно и то же...

— Но в моем случае это именно так, — заканчиваю я за него.

Папа невероятно сентиментален, и я безмерно люблю его за это. На ближайший час мир возвращается на круги своя. Мой отец, величайший драконий ветеринар во всем Форсене, и я, его единственная помощница, вместе заботимся об этих великолепных животных. Запах сена, дыхание ящеров — все кажется таким привычным и родным.

Разумеется, Джеймс оказывается тут как тут, сопровождаемый другими всадниками и спринтером по имени Хорт. По своему обыкновению, Мёрфи смотрит на меня так, будто с трудом сдерживает поток обидных слов. Я же, подавляя собственные колкости, нарочито обращаю внимание лишь на его дракона. Хорт разглядывает меня своими крокодилыми глазами и, словно ребенок, возбужденно переступает с лапы на лапу. Меня забавляет этот контраст между всадником и драконом: то, что существо весом в тонну проявляет гораздо больше дружелюбия, говорит о явных проблемах у его хозяина.

Мы с папой приступаем к стандартным процедурам: проводим измерения, осматриваем крылья, суставы и зубы.

Я также тщательно проверяю пряжки седла, чтобы убедиться, что кожаные ремни надежно закреплены, но при этом не стесняют движения дракона.

— Он просто великолепен, Джеймс. Выглядит как настоящий победитель. Нам остается проверить только его металл, — говорит папа.

Джеймс пронзительно свистит.

— Хорт. Щит.

Преображение дракона — зрелище, от которого захватывает дух. Стоит моргнуть — и момент упущен. Серебристый металл вырывается наружу, облекая каждую чешуйку Хорта в непробиваемую броню. Некогда оранжевый чешуйчатый зверь предстает перед нами огромным слитком прочного металла. Ничто не может пробить эту броню, кроме другого драконьего серебра. И только серебряный мастер способен остановить его в этой форме.

Каждый дракон может укрепляться в металле. Но исключительность Хорта — в его совершенном послушании, что встречается крайне редко. Мёрфи проявил удивительное благородство, обучив столь покорного дракона. Хорт испытывает искреннюю привязанность к Джеймсу, потому что их совместные тренировки проходят в атмосфере любви и поддержки, а не принуждения. Этот метод отличается от типичной подготовки спринтеров, где для достижения результатов часто используют страх и давление.

Пока папа осматривает крылья Хорта, я поглаживаю дракона по шее, после чего плавно спускаюсь по его боку, ощупывая каждый сустав.

Мне приходится встать на четвереньки, чтобы проверить его когти и нижнюю часть лап. Неправильно растущая чешуйка, особенно металлическая, способна причинять мучительную боль. Так я оказываюсь враскорячку прямо перед Джеймсом Мёрфи. Обычно всадники держатся на расстоянии, давая мне свободу действий, но только не этот прилипала.

Я изо всех сил стараюсь не смотреть на него, мечтая, чтобы он просто исчез.

— Прошу прощения, — бурчу я.

Вместо того чтобы уйти, он еще и присаживается рядом. Будь это кто-то другой, я бы, наверное, подумала, что его волнует дракон. Но это же сын Джона Мёрфи. С большой долей вероятности он просто сомневается в моей компетентности.

Однако, услышав их с Колмом мнение обо мне и стипендии, я начинаю сомневаться, что дело только в этом. Не сомневаюсь, что он, как и многие другие, поощряет классовое неравенство. Общество настойчиво навязывает нам идею социальной иерархии. Но ведь истинная порядочность проявляется в уважении к каждому! Нельзя судить о человеке по его происхождению. Все мастера равны, независимо от материала, с которым они работают: будь то железо, олово или медь. И все же те, кто достиг вершин в работе с серебром, часто смотрят свысока на тех, кого считают ниже себя. Колм Диттерс, вероятно, попал в их число лишь потому, что его семья находится на пути к социальному подъему — от бронзы к серебру.

Я не понаслышке знаю, что Джеймс искренне считает себя лучше всех, особенно лучше меня. Моя давняя подруга, Кара Мур, однажды слышала, как он в разговоре с Колмом и другими гонщиками назвал меня *никчемной всезнайкой и посредственным мастером по меди*. И если кто-то считает меня привлекательной, ему, вероятно, следует проверить свое зрение. Так что да, он — предвзятый и самовлюбленный придурок.

— Чем могу помочь? — спрашиваю я, все еще немного ошеломленная его присутствием рядом со мной.

— Просто наблюдаю за процессом, — отвечает он.

Я осматриваю последнюю лапу Хорта, а затем, поскольку слова Джеймса, сказанные ранее, все еще не дают мне покоя, шепчу:

— Не воображай, что сможешь переплюнуть меня в медицине, *просто наблюдая*.

— Понимаю, — отвечает он.

Ах, понимает!

«Может ли он быть еще более невыносимым?»

В такие моменты я снова и снова задаюсь вопросом: зачем? Ответ *«хорошая возможность»* по-прежнему не имеет для меня смысла. Это же... очевидно. Полная стипендия в одном из немногих высших учебных заведений Тулина, где учат профессиям, связанным с драконами, — кто бы не счел это хорошей возможностью? Но зачем ему это? По какой причине Джеймс претендует на то, что мне так необходимо и желанно, когда его родители без проблем могут оплатить его обучение, даже если оно стоило бы втрое дороже? К тому же его с большой вероятностью скоро пригласят в гоночную команду, что обеспечит ему бесплатное обучение. Наверняка представитель команды уже сидит в одной из смотровых башен, готовый внести его имя в список счастливицов. Хотя... кого я обманываю? Им даже не нужно ничего вносить. У них, поди, уже все готово для его зачисления, а у нас, как назло, впереди еще целый год учебы.

— Зач... — начинаю я, но меня опережает суровый голос:

— Что-то не так?

Я вздрагиваю от неожиданности. К моему удивлению, Джеймс тоже. Перед нами стоит мистер Джон Мёрфи, его отец и, похоже, истинный хозяин этого города. Человек он невысокий, зато чертовски влиятельный.

— Нет, все хорошо, Хорт готов, — объявляю я, поглядывая на папу, чтобы убедиться, что голова и крылья получили его одобрение.

— Он растет, что видно невооруженным глазом.

В голосе папы слышится скрытый подтекст, и я пытаюсь его уловить. Хорт действительно активно растет, но ему всего три года, и он пока что не превышает размеры гоночных спринтеров. В холке он достигает восемнадцати с половиной ладоней, а размах крыльев, согласно моим све-

жим записям, составляет двадцать. Хорт просто расцветает от внимания. Стоит нам только посмотреть на него, как он тут же вытягивает шею еще выше. Милый маленький выпендрожник. Вероятно, научился этому у своего хозяина. Разумеется, выпендрожной части, а не милой.

Слова моего отца заставляют Джеймса напрячься.

— Если все готово, давайте уже начинать! — рывкает мистер Мёрфи.

Джеймс тянется к уздечке Хорта, но внезапно замирает, закрыв глаза.

— Рука болит? — спрашивает папа, склонив голову.

Мой взгляд падает на руки Джеймса. Папа прав, одна из них напряжена. Он сжимает кулак, что может указывать как на сдерживаемый гнев, так и на боль.

— Доктор Бёрк должен быть в своей палатке, — продолжает папа. — Не только драконам время от времени нужен медицинский осмотр.

— Я...

— У него все в порядке, — отрезает мистер Мёрфи.

Почему это звучит как угроза? Словно он предупреждает: *«Не вмешивайтесь, а иначе...»*

Мой папа обладает множеством достоинств. Он дружелюбный, отзывчивый и, пожалуй, порой слишком уступчивый. Но при этом всегда понимает намеки.

— Рад слышать. Удачи, Джеймс, — тепло говорит папа, словно искренне болеет за гонки.

Как только оба Мёрфи оказываются вне зоны слышимости, он подзывает меня к себе:

— Фаррен, присмотри за Джеймсом и его спринтером.

— Но ведь мы здесь только ради Хорта. Верно? С ним что-то не так?

Я вспоминаю текстуру его чешуи, состояние костей и суставов. Все идеально, а броня безупречна.

— У меня что-то вроде предчувствия. Просто... не спускай с них глаз.

Двенадцать спринтеров замирают над зеркальной гладью озера, предвкушая старт. Поначалу каждый дракон демонстрирует свою природную чешую, переливающуюся на солнце радужным сиянием. Но с моей позиции я различаю лишь их брюшки. Оранжевый дракон, который разместился на дальнем краю, невольно завладевает моим вниманием, и я с досадой мотаю головой, сильнее натягивая поводья Дафин. Как официальный наблюдатель, я должна следить за всеми, а не только за Джеймсом Мёрфи.

Дафин поворачивает ко мне изящную голубую голову, словно читая мои мысли. Ее взгляд выражает неодобрение.

— Не смотри на меня так, — фыркаю я. — Я просто делаю свою работу.

Звенит колокол, и толпа ликует, когда дюжина драконов взмывает в небо. Их крылья рассекают воздух, а после выравниваются перед первым поворотом. Именно здесь проявляется истинное мастерство. Джеймс держится в лидирующей группе, но приберегает свой решающий маневр для финишной прямой. Черт, я даже знаю его стратегию. Слова папы прочно засели в голове, и теперь все мои мысли сосредоточены исключительно на Мёрфи.

Но я заставляю себя сфокусироваться и на других драконах. Кара отстаёт, изо всех сил стараясь избежать столкновения. Некоторые всадники ныряют под основную группу, пытаюсь вырваться вперед, и Колм среди них. Он стремительно пронесется по следующему прямому участку.

В душе я тоже жажду взлететь, чтобы парить рядом с этими двенадцатью всадниками. Но гонки — это не просто развлечение. Хотя, конечно, и это тоже. Развевающиеся флаги над переполненной ареной и крики тысяч фанатов — тому подтверждение. Однако за этим зрелищем скрывается хитрая экономическая схема, нацеленная на добычу металла. Драконов намеренно пугают, чтобы они активнее задей-